

RU

Авторское примечание в литературной периодике первой трети XIX века как эталон материала исследования

Дейкун И. Д.

Аннотация. Цель исследования – выявление эталонной репрезентации авторского примечания как предмета исследования, методологическое и практическое обоснование изучения авторского примечания на материале периодических изданий. В статье анализируются и сравниваются классическая и современная отечественная и зарубежная парадигмы исследований предмета, свойственный им диапазон методов, круг научных проблем, а также выбор ими репрезентативного материала. Делается аргументированная попытка определения авторского примечания в периодике как эталона материала исследования. Проводится эмпирический анализ авторских примечаний в периодике. Научная новизна состоит во введении широкого материала литературно-критической периодики первой трети XIX века в изучение авторского примечания, а также в рассмотрении последнего в свете материальной презентации текста произведения. В результате исследования было продемонстрировано, что такие классические проблемы, как статус авторского примечания при тексте произведения, его взаимозаменяемость с фрагментом основного текста, могут быть решены более эффективно с учетом включения в исследование аспекта материальной репрезентации произведения, в частности аспектов композиции страницы и типографического оформления. Было показано, что именно в периодике авторское примечание имеет наибольшую формальную и содержательную вариативность.

EN

Author's note in literary periodicals of the first third of the 19th century as a standard of research material

I. D. Deikun

Abstract. The aim of the research is to identify the exemplary representation of the author's note as a subject of research, and the methodological and practical justification for studying the author's note based on the material of periodicals. The article analyzes and compares classical and modern domestic and foreign paradigms of research on the subject, the range of methods inherent to them, the range of scientific problems, as well as their choice of representative material. A reasoned attempt is made to define the author's note in periodicals as a standard of research material. An empirical analysis of author's notes in periodicals is carried out. The scientific novelty consists in the introduction of extensive material from literary-critical periodicals of the first third of the 19th century into the study of the author's note, as well as in considering the latter in light of the material presentation of the text of the work. As a result of the research, it was demonstrated that such classical problems as the status of the author's note in relation to the text of the work, its interchangeability with a fragment of the main text, can be solved more effectively taking into account the inclusion in the study of the aspect of the material representation of the work, namely, aspects of page composition and typographical design. It was shown that in periodicals, the author's note has the greatest formal and substantive variability.

Введение

Актуальность нашего исследования заключается в нахождении эффективного решения проблемы единства художественного произведения и авторского примечания к нему, основанного на введении нового материала и разработке расширенной теоретической базы. Мы указали на то, что различие презентации авторского примечания в научном издании и в литературной периодике диктует различное концептуальное осмысление предмета. При обращении к материалу периодики открывается связь авторского примечания с внутритекстовой парантезой. Также мы указали на то, что на новом материале становится очевидной недостаточность

общих типологизаций и появляется возможность провести типологизацию, адекватную включенности авторского примечания в литературное самосознание конкретной исторической эпохи.

В ходе исследования мы решали следующие задачи. С помощью метода диахронического контекстуального анализа научных представлений, выработанного в рамках философии науки, мы выявили связь господствующего в отечественном литературоведении подхода к изучению авторского примечания с текстологией и советским пушкиноведением. Затем проанализировали актуальные зарубежные и отечественные подходы к изучению комментария, выявили и зафиксировали факт расширения парадигмы исследований в сторону изучения материальности презентации текста. Таким образом, мы выдвинули теоретический тезис, что если примечание является комментарием, то предмет авторского примечания в современном научном контексте необходимо включает аспект материальной презентации произведения. На основании теоретического тезиса мы сформулировали эмпирический тезис, заключающийся в том, что в первой трети XIX века авторское примечание наиболее репрезентативно именно в литературно-критической периодике. Пользуясь методами эмпирико-индуктивного анализа типографических особенностей периодики и герменевтического анализа литературного произведения, мы показали, что в журналах, газетах и альманахах находится естественная среда появления и использования авторских примечаний, наблюдается их наибольшее формальное и содержательное разнообразие, демонстрируется их зависимость как от поэтики произведения, от прагматики моделирования восприятия и прояснения смысла текста, так и от верстки страницы, типографического оформления и общей издательской и редакторской стратегии.

Поэтому в данной статье мы сначала в теоретической части коснулись определения эталона авторского примечания в отечественных исследованиях литературы первой трети XIX века. А затем в практической части продемонстрировали ценность изучения предмета на материале литературно-критической периодики этого же исторического периода.

Предметом нашего исследования стало авторское примечание как понятие и как текстуальный феномен. Материалом исследования является литературно-критическая периодика XIX века, а именно журнал «Вестник Европы», издаваемый Николаем Карамзиным (М.: Университетская типография у Люби, Гария и Попова, 1802. Ч. 1); «Вестник Европы», составленный Михаилом Каченовским (М.: Университетская типография, 1827. Май и Июнь); «Сын отечества», исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Николаем Гречем (СПб.: В типографии Н. Греча, 1819. Ч. 51); и альманахи: «Калужские вечера, или Отрывки из сочинений и переводов в стихах и прозе военных литераторов, собранные А. Писаревым» (М.: Университетская типография, 1825. Ч. 1); «Литературный Музеум» на 1827 год, Владимира Измайлова, издание Александра Ширяева (М.: Типография С. Селиванского, 1827); «Свиток муз. Книжка вторая» (СПб.: При Императорской Академии наук, 1803); «Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе. Книжка первая» (СПб.: При Императорской Академии наук, 1807). Также мы анализировали отдельные номера газет «Северная Пчела» (1825-1864), «Литературная газета» (1830-1831).

Теоретическую базу исследования составляют работы по философии науки (Кун, 2003; Степин, 2003); по истории отечественного литературоведения (Хализев, Холиков, Никандрова, 2017); по теории паратекста (Genette, 1997; Орлицкий, 2002); по теории метатекста как сверхтекстового единства (Киселев, 2004); по поэтике авторских примечаний (Чумаков, 1970; Громбах, 1974; Мильчина, 1978; Кузьмина, 2009; Топорова, 2024; Мыльников, 1995); по поэтике и графике рукописей с комментарием (Sautel, 1999; Chang, Grafton, Most, 2021).

Опираясь на эти работы, мы рассмотрели комплекс литературоведческих подходов к изучению авторского примечания с точки зрения «парадигмы», формируемой общепризнанным достижением в конкретной научной области (Кун, 2003, с. 17), определили исследование, содержащее это достижение, его метод, выделили в «схеме метода» «идеалы и нормы исследования», исходя из которых регулируются формирование факта (Степин, 2003, с. 256). При этом факт мы понимаем как «особого рода предложение, фиксирующее эмпирическое знание» (Новая философская энциклопедия, 2010, с. 157) и описывающие поведение эмпирического объекта. В легитимации применения общей методологии философии науки к сфере гуманитарного знания мы опираемся на тезис В. С. Степина (2003, с. 101) о том, что научное социально-гуманитарное исследование – это прежде всего научное исследование, и этим оно отличается от иных видов «социально-гуманитарного познания». В практической части в рамках общего анализа авторского примечания мы следовали теории паратекста Ж. Женетта, где паратекст обозначает периферию текста двух видов: во-первых, ближайшую периферию, куда входят заглавия, подзаголовки, примечания, эпиграфы и т. п., и, во-вторых, отдаленную периферию, к которой относятся письма, дневники, черновики, интервью и т. п. Мы определяем паратекст как «гетерономный, вспомогательный дискурс», а примечания как часть «перитекста» (ближайшего паратекста), где граница между текстом и паратекстом колеблется, становится транзитивной (Genette, 1997, p. 319).

Необходимость полноценного изучения авторских примечаний, включая материальность презентации текста, нами усматривается исходя из наработок современного исследования комментария, которым свойственно обращение внимания на «импагинацию» как на физическое распределение текста и других вспомогательных элементов в пространстве страницы (Chang, Grafton, Most, 2021, p. 1-3), на роль расположения блоков комментария и комментируемого на странице, отражающей образ их взаимодействия (Sautel, 1999, p. 18). Литературно-периодические издания мы понимаем как «ансамблевое единство», формирующееся «поверх первичных текстов», и заставляющее их участвовать «во вторичных композициях и конфигурациях», и которые могут иметь разную степень целостности (Киселев, 2004, с. 22). Наконец, чтобы не путать понятия комментария и примечания, мы разграничим их как часть и целое: комментарий может иметь форму примечаний, а совокупность примечаний представляет собой комментарий к тексту.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его выводы в рамках специальных курсов по истории комментария и авторского комментария в отечественной прозе, по истории прозы XIX века, по истории литературно-критической периодики, в ходе специальных семинаров, посвященных этим темам.

Обсуждение и результаты

Примечание при художественном тексте может стать предметом исследования только тогда, когда установлена граница данного художественного текста. Это требует его предварительной текстологической реконструкции и авторитетного издания. С самого начала советской науки о литературе именно корпус пушкинских текстов стал материалом, на который была направлена энергия исследователей самых разных дисциплин. Так, в текстологии, а точнее в момент ее становления, полемика по поводу авторской воли и определения авторитетного варианта текста, развернувшаяся между М. Л. Гофманом, Б. В. Томашевским и Г. О. Винокуром, велась с опорой на материал пушкинских произведений (Винокур, 1927). Как пишет в ретроспективе советской пушкинистики Е. М. Черницкий (1961, с. 4-5), в 1936 году была создана Пушкинская комиссия для разбора и дешифровки автографов и черновиков. В 1949 году в 16 томах в 20 книгах было завершено полное комментированное издание собрания сочинений поэта, оно корректировалось и дополнялось в нескольких изданиях с 1956 по 1958 год. Это связано, помимо наследованных от императорской академии наук проектов академических изданий, с мифологизацией фигуры А. С. Пушкина в XIX веке (Сараскина, 2018, с. 143), со столетним юбилеем А. С. Пушкина в 1937 и с началом в сталинскую эпоху идеологического курса на понимание поэта как «основоположника» русского литературного языка (Цыганов, 2023, с. 191-195).

Пушкинские произведения стали таким образом наиболее текстологически проработанным, а следовательно, и образцовым материалом для применения разнообразных литературоведческих подходов. Поэтому в 1970 г. вопрос о единстве примечаний и произведения был поставлен Ю. Н. Чумаковым (1970) именно на материале романа «Евгений Онегин». Его статья «Состав художественного текста “Евгения Онегина”» (1970) принадлежала нормальной советской науке о литературе: по критерию выбора материала и использования методологического аппарата. Ю. Н. Чумаков работал в интерпретационной манере, свойственной литературоведам-«смысловикам», не сформировавшим единого направления, но разделявшим интерпретационный (а не догматически-идеологизированный, семиотический, структуралистский и т. д.) подход к изучению литературы (Хализев, Холиков, Никандрова, 2017, с. 150-151). Вместе с этим его работа дала образец исследования авторского примечания. Результат, полученный в статье, – убедительный тезис о единстве примечаний и художественного текста: во-первых, «примечания продолжают и развивают тематические линии романа», во-вторых, «примечания тематически взаимозаменяемы со стиховым текстом», в-третьих, «примечания представляют, как и в стиховых строфах, ступенчато построенный образ автора» (Чумаков, 1970, с. 29-32). С. М. Громбах в продуктивной полемике с Ю. Н. Чумаковым выдвигает текстологический аргумент «за» единство комплекса примечаний и романа, говоря, что Пушкин, «намечая план полного издания “Онегина”... специально обозначил как существенный элемент его структуры примечания» (1974, с. 222). Но одновременно отказывает в том, чтобы «видеть в примечаниях равноправный и полноценный элемент художественной структуры романа» в силу того, что «их создание не синхронно созданию художественного текста» (Громбах, 1974, с. 225). Иными словами, результатам поэтологической интерпретации Ю. Н. Чумакова С. М. Громбах противопоставляет факты текстологической реконструкции.

Эта полемика задала парадигму для отечественных исследований примечания. В ходе нее, во-первых, на первый план был выдвинут вопрос о единстве примечаний и текста, то есть об их художественном статусе. Во-вторых, сформировалось представление о репрезентативном материале. Так, В. А. Мильчина (1978) пишет, что «культура примечаний» была развита именно в период конца XVIII – начала XIX века, то есть постулирует прерогативу работы с материалом синхронным «золотому веку» русской поэзии. Вторым следствием стало представление о репрезентативном для изучения примечания роде литературы – поэзии. Например, Н. А. Кузьмина оговаривает: «...мы рассматриваем только авторские комментарии к стихотворному произведению» (2009, с. 170) – и опирается на концепцию «заголовочно-финального комплекса» Ю. Б. Орлицкого (2002, с. 529), которую исследователь также разработал на примере поэтических произведений. В-третьих, в теоретико-поэтологическом плане детализацией вопроса об эстетическом статусе примечаний стал вопрос о различии чисто информативных примечаний, «относящихся к смыслу текста», и интерпретативного комментария, относящегося к «смыслу произведения», которому была посвящена значительная часть теоретического введения первой отечественной диссертации об авторском примечании (Мыльников, 1995).

Все эти вопросы действительно актуальны до сих пор и нуждаются в разработке. Однако их постановка делает неактуальным аспект материальной презентации произведения с авторскими примечаниями. А между тем уже Ж. Женетт (Genette, 1997, р. 16), определяя специфику паратекста, употребил понятие «зона» для обозначения его «пространственного и материального аспекта», его связи с конструктивными элементами книги. Внимание к материальности комментария характеризует и новейшие подходы к изучению предмета. Так, А. В. Топорова в историческом рассмотрении комментария указывает, что «широкое распространение комментария оказало влияние на процесс оформления рукописи. Текст в средневековых рукописях располагался так, чтобы можно было вписать комментарии, маргиналии или межстрочные глоссы» (2024, с. 198-199). Об этом же

более подробно говорит Ж.-Ю. Сотель (Sautel, 1999, p. 18), отмечая, что в рукописи с комментарием первичным критерием является расположение блоков комментария и текста на странице. Намного важнее, как они взаимодействуют, окружает ли комментарий текст, находится внизу, на полях, между строк, чем то, какой формат расположения текстовых блоков на странице выбран вообще: в одну, в две или в три колонки. Более общее исследование материальной репрезентации произведений проведено коллективом англоязычных авторов, которые попытались обобщить исследования «импагинации», или конструктивных особенностей организации текста на странице. Они выявили три уровня: уровень материала страницы (пергамент, бумага, электронный экран и т. д.), информативный уровень, который составляют содержание текста и формы содержания, главное и второстепенное, комментариев и комментируемое. Наконец, третий уровень, который составляет расположение напечатанного на странице, в отечественной терминологии – верстку, имеющую свою семантику и свои законы, обозначающую смысловую иерархию. Так, некоторые примечания требуют непосредственно близкого расположения к комментируемому месту текста, а некоторые могут быть вынесены за текст, даны отдельной рубрикой (Chang, Grafton, Most, 2021, p. 1-3).

Иными словами, уже оформилась расширенная парадигма изучения примечания, исходя из которой видно, что прежние подходы к предмету раскрывают его недостаточно, и требуется рассмотреть его на более обширном материале. Это ясно уже из того, что «культуру примечаний» в русской литературе никак нельзя зафиксировать вне анализа литературной периодики.

Многими исследователями отмечено, что первая треть XIX века – это период, когда издавалось «беспрецедентное количество журналов» (Тодд III, 1996, с. 77), «в течение первого десятилетия XIX века было издано до 60 журналов» (Комаров, 1950, с. 155). Несмотря на то, что журнал как литературный институт не состоялся, а произведения в основном презентовались устно и в рукописях в рамках кружков и салонов (Тодд III, 1996, с. 68), само количество журналов указывает на то, что литераторы начала XIX века видели в них существенную ценность, о том же говорит и их содержательное богатство: в журналах публиковались все ключевые авторы того времени, причем это были в подавляющем большинстве случаев их первые печатные публикации. Второй аргумент, логического типа, состоит в том, что прагматика паратекста, его функция прямой настройки читательского восприятия – требует отложенной коммуникации, а также временной и мировоззренческой дистанции с аудиторией, пусть та будет и гипотетической. Примечание невозможно при устной презентации текста, не существует также примечания к письму. Следовательно, естественная среда такой коммуникации в первой трети XIX века – периодическое издание. Иными словами «культура примечаний», о которой говорит В. А. Мильчина, – это прежде всего журнальная культура.

Действительно, если мы рассмотрим самую подробную на сегодняшний день типологию авторских примечаний, произведенную Н. А. Кузьминой (2009, с. 174–175), то мы увидим, что, несмотря на то, что выделенные типы достаточно подробны, а также указана дополнительная ироническая модальность, типология неполная. Например, опущены примечания, относящиеся к «естественной истории», к специфической области знаний, процветавшей до первой половины XIX века. Ярким примером здесь выступает примечание в стихотворении Ф. Глинки «Вздох», опубликованном в альманахе «Литературный Музеум» (1827), где стих «Природы древние обломки» поясняется так: «Здесь скалы, по свойству своему, почти все принадлежат к обнаженной Горно-каменной породе, называемой Брекчия. Полагают, что это обломки первосозданных гор, разрушенных движением великих вод, которых следы везде запечатлены на почве здешних полей, нагруженных камнями, песком и раковинами» (Литературный Музеум, 1827, с. 271). Как видно, это не реальное, не мифологическое, не историческое, не этнографическое примечание, а очень специфическая по содержанию научная справка, относящаяся к ушедшей в прошлое дисциплине «естественной», или «натуральной» истории. В контексте литературно-критической периодики содержательную специфику этого примечания не заметить невозможно, так как именно в разнообразных материалах, предоставляемых ею, дается контекст эпохи. Так, например, в это же время выходит «Вестник Европы» под редакцией М. Т. Каченовского, где описываются археологические новости в духе катастрофизма Кювье и в связи с буквально понимаемой библейской историей: «...все виденное им (английским путешественником Буккингамом. – примечание наше. – И. Д.) соответствует тому, что находим в священном Писании, в Диодоре Сицилийском и в Иосифе. Начало Ниневию теряется во мраке времен: основание города сего приписывают Ассуру, внуку Ноя» (Вестник Европы, 1827, с. 316). Другой, типологически смежный пример дает примечание с апелляцией к Священной Истории, приводимое в альманахе «Талия» (1807) к стихотворению С. Боброва «Новое одобрение коммерции в Таврии 1806 года» к стиху «Кто был хранитель дух торговли чад Явана?»: «Чада Явана: – Греки происходят от сего Патриарха, сына Ноева; а Иония обязана ему своим именем» (Талия, 1807, с. 46). Здесь видно, что «чада Явана» составляют антономазию, но ее разъяснение не является, по крайней мере в сознании автора и по его интенции, мифологическим, а, скорее, относится к Священной Истории и входит в особую историческую и религиозную концепцию, указывающую на историческую и историософскую судьбу Таврии как места торговли. Это тем более ясно, что к предыдущему стиху, где повествуется о том, что про пик горы Чатырдаг, который «Зрел подвиг Гермеса, и в славе поседел», идет примечание мифологическое: «Гермес или Меркурий Бог-Покровитель торговли» (Талия, 1807, с. 46). Подвиг Гермеса – метафорическое выражение, обозначающее основание и функционирование греческих торговых колоний. Однако «Гермес» и «Яван» относятся к разным культурным кодам: первый входит в систему поэтических символов, а второй в систему религиозных. Соответственно различается их значимость: «Гермес» как имя собственное является знаком поэтического языка, как приводится

в альманахе «Калужские вечера» в статье «О существенных видах или формах Поэзии»: «Стихотворное повествование не должно содержать в себе ученого предмета, но какое-либо происшествие, думу, Миф (басно-слобие)» (Калужские вечера, 1825, с. 107). «Яван» же отсылает к общепринятому в то время факту происхождения народов Европы от сына Ноя Иафета.

Этот анализ показывает, что тезис Н. А. Кузьминой о том, что «классификация смысловых типов примечаний» (2009, с. 171) не слишком изменилась со времен Г. Р. Державина, не точен. Напротив, выясняется, что по крайней мере примечания в литературных произведениях первой трети XIX века включены в особую, отличную от современной, систему знаний. Что «сведения о мифологических героях» не могут быть объединены в одну рубрику с «историческими» примечаниями, а занимают место, близкое к «метаязыковым примечаниям». Однако такую картину наглядно дает именно журнальное разнообразие, где поэтические трактаты соседствуют с новостными дайджестами, а мадригалы, выполненные в классицистическом духе, – с уже вполне романтическими поэмами. Тогда как при изучении примечания в издании приходится реконструировать эпистему эпохи по справочникам, причем автоматически упускается ряд авторов второго и третьего ряда, чьи произведения в аспекте изучения авторского примечания чрезвычайно репрезентативны.

Так, малоизвестные поэты альманаха «Калужские вечера» (1825) дают примеры своеобразнейшего примечания к метрической схеме, данной перед текстом стихотворения, являющегося не метаязыковым в строгом смысле, но просодическим: «Кроме дактиля другой бы всякой род стихов был заунывен при таком содержании плачевном и потому требовалось разнообразия» (Калужские вечера, 1825, с. 165). Это примечание удивительно и в плане композиции страницы: оно идет к графическому изображению схемы дактиля, помещенному в зону подзаголовка, и как бы составляет область экспликации и одновременно мотивации вторжения в поэтическое произведение графического элемента. Другим примером служит прозаический перифрастический комментарий, данный к библейской поэме «Исход Израиля» Н. Цибульского. Этот перифраз прежде всего составляет проект и обнимает не только первую, написанную и представленную далее главу поэмы, но также и остальные десять, которые отсутствуют. Содержательно он достаточно подробный, но в плане верстки не автономный и подчиненный фрагмент текста. Он находится под заголовком «Поэма исход Израиля, в 10 песнях», его подзаголовок представляет собой программу, объясняющую его функцию: «Изложение Песней Эпической Поэмы: исход Израиля, с точным изображением свойств действующих лиц и с подробным описанием происшествий» (Калужские вечера, 1825, с. 63). В нем в согласии с программой переплетаются две стратегии: повествовательная («изображать и описывать») и автокритическая («излагать»). Так, содержательно он включает в повествование постоянную оценку действенности избранных поэтом художественных средств, как, например, в этом месте, где библейский событийный канон корректируется правилом поэтического правдоподобия: «Моисей, достигнувший предмета своего желания, мог бы, кажется, быть довольным; но в этом погрешил бы против чувств, внушенных природой, если бы он при разлуке с своим семейством показал ту твердость, которой мы только можем удивляться, а не подражать» (Калужские вечера, 1825, с. 64). Но гибридность проявляется не только семантически, но и синтаксически. Если к повествовательному пласту относится избранное автором членение прозаического плана-комментария на смысловые эпизоды разделительным знаком тире, то к комментирующему – включение в текстовый блок примечания в форме парантезы. Например: «– Творец избрал его для спасения народа изнемогающего от лютости Фараона (по мнению некоторых Историков, великого завоевателя Сезостриса)» (Калужские вечера, 1825, с. 64). Перед нами историческое примечание, тем более несомненное, что упоминаются «Историки». Но автор и редактор решают не давать его в выноске, так как сам этот текстовый массив в композиции альманаха и конкретно данного произведения относится к предуведомлению и введению в потенциально огромную библейскую поэму, возможно, поэму с продолжением в других частях издания. Таким образом, мы имеем пример примечания в примечании. Этот в то время не редкий ход, вообще, отражает кумулятивную, склонную к наслоениям композиционную природу комментария (см. круговой, опоясывающий комментарий в домодерном Codex Venetus (822), или комментарий к комментарию в постмодернистском тексте «Бесконечного тупика» (1987) Д. Е. Галковского), но он мог реализоваться только в условиях отсутствия четкой регламентации типографического оформления примечаний и текста, свойственной журналам того времени.

Аутентичный периодическому изданию пример примечаний дает также и подстрочное пояснение А. Х. Востокова в альманахе «Свиток муз» (1803) к своему стихотворению «Осенний вечер» к стиху «Не зрю ль в восторге, Зевс дождливый» (курсив А. Х. Востокова). В сноске ученый прибегает к примечанию, которое в содержательном плане представляет нечто среднее между критикой вкуса и журнальным объявлением: «С сего прекрасного эскиза выгравировал Эстамп в Академии Художеств Г. Скотников. Славный Дойен творец оного, ко всем потребных живописцу знаниям, присоединяет в высочайшей степени вкус изящного и пламенное поэтическое воображение, без коего не лзя быть истинным Артистом» (Свиток муз, 1803, с. 100). Это примечание не может существовать вне журнала и имеет направленность на гипотетического читателя, ценителя искусств, но также оно имеет и дидактическую прагматику указать критерий истинного художника. В целом, это нестандартно решенный реальный комментарий, приобретающий в контексте альманаха публицистическую тональность.

Другую картину открывает рассмотрение примечаний и парантез в свете динамики периодического издания, когда в материальной презентации текстов отражается изменчивость и колебание стратегии составителя журнала. Наблюдения над материалом в этом ключе предоставляют аргумент если не о единстве художественного произведения и примечания, то о взаимозаменяемости элементов паратекста и текста. Иными словами, наш тезис состоит в том, что демонстрируемая периодикой типографическая вариативность

и динамическая от номера к номеру изменчивость верстки по-новому доказывают вышеизложенные тезисы Ю. Н. Чумакова. Рассмотрим «Вестник Европы» 1802-1803 гг., выходящий под редакцией Н. М. Карамзина. В нем в 1802 году большинство материалов анонимные, переводные материалы указываются без имени автора и очевидно подвергаются переработке, включающей адаптацию к интересам российского читателя. Единство ансамбля разнородных материалов обеспечивается интенцией составителя журнала, которая вполне объявлена в программе в анонимном «Письме к Издателю». Написанное от лица некоего друга, оно обозначает цели издания: «Для истинной пользы Искусства» сообщать «Критику» и давать «образцы и примеры» (Вестник Европы, 1802, с. 6). Также указывается способ создания ансамбля: «Сочинять (курсив автора «Письма») Журнал одному трудно и невозможно», необходимо «выбирать приятнейшее из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную!», а это «требует еще хорошего перевода» (Вестник Европы, 1802, с. 6). Наконец, дается понимание журнала как единства: «...достоинство его состоит в разнообразии, которое один талант (не исключая даже и Вольтерова) никогда не имел» (Вестник Европы, 1802, с. 6). Такое понимание журнала для первой трети XIX века общепринято. Так, в журнале «Корифей» издатель пишет: «...намерение сие не согласно с разнообразием, необходимым для Журнала» (Корифей, 1802, с. 34), а до этого в ученой статье помещает «журналы» как вид словесности наряду с письмами, отрывками и романами в категорию «общей прозы», «полиэргии или смешанной словесности» (Корифей, 1802, с. 28). Таким образом, мы видим, что «Вестник Европы» начинается как авторский журнал не только фактически, но дополнительно в теоретической рефлексии современников сам журнал воспринимается как особая форма словесности, жанр. Редактор-составитель является автором журнала, а степень единства последнего коррелирует со степенью вмешательства редакторского сознания в структуру ансамбля. Прерогативной зоной проявления редакторского сознания являются именно разнообразные выноски и периферия текста: заголовочно-финальные комплексы, поля, «подвалы» страниц. Однако если в периодике, особенно начиная с 10-х годов, материалы стали подписываться, то в самом начале XIX века анонимный, то есть авторский журнал был достаточно распространенной формой: «Осенние Вечера» В. Ф. Малиновского (1803), «Ореады», В. Дмитриева (1809), «Друг детей» Н. Ильина (1809), наконец, тот же «Корифей» (1802). «Вестник Европы» М. Н. Карамзина показателен в том, что он, начавшись как авторский журнал, постепенно переходит в иную модальность, что отражается на всей системе авторского присутствия. Так, в первых номерах автор журнала постоянно находится в диалоге с материалом, употребляя личные местоимения: «Несправедливость наших летописцев в рассуждении сего царя заставила меня войти здесь в некоторые подробности» (Вестник Европы, 1802, с. 30). Он также прибегает к прямой вербализации ценности материала, модифицируя справочно-географическое примечание эмоциональным тоном, в котором прослеживается личная, субъектная интонация, как, например, к топониму «Рагузы» в новостном материале дается пояснение: «Она Славянского происхождения, следовательно не чуждая Русским» (Вестник Европы, 1802, с. 57), и такого же типа примечания с критикой вкуса к заголовку «Взятие Серингапатама и смерть славного Типпо-Саибы, описанные очевидцем, Английским Майором Алланом», где совмещается ценностная оценка материала и использование личного местоимения: «Из Англ. Журнала. – Хотя Аллан и не мастер писать, однако ж это извлечение из его известий о взятии Серингапатама показалось мне довольно любопытным» (Вестник Европы, 1802, с. 140). Особо яркий пример редакторской-читательской реакции явлен в № 18 за 1802 год в примечании к статистическому материалу, в выноске, содержащей восклицание со звездочкой напротив статистики взятки: «Как мало!» (Вестник Европы, 1802, с. 138). Здесь обращает на себя внимание эмоциональная пунктуация.

Наконец, интересен образ примечаний астериском в скобках, а не нумерком или астериском без скобок, и отношение парантез, выносок и примечаний вообще. Понятие «выноска» кажется синонимом понятия «примечание». Единственное, в словаре Е. И Шаллурина она впервые разграничивается с примечанием технически, как «в картографических изданиях изображение части территории, которое не уместилось на своем месте...» (Словарь книговедческих терминов, 1958). Однако в XIX веке она имела иные коннотации. Так, в тезаурусе В. Г. Белинского «выноска» – это не столько примечание, сколько вынесенная под страницу авторская или издательская реплика, часто полемического характера: «Вот что говорит автор с обычною своею скромностию и откровенностию, в выноске к окончанию этой дивной статьи», – и далее идет авторская защита текста перед критиками (Белинский, 1953а, с. 457). Или в другом месте: «Редактор “Сына отечества” не только почел нужным перевести оную статью для своего журнала, но и еще, в выноске к ней, глубокомысленно заметил, что “дело стоит того, чтоб над ним подумать”» (Белинский, 1953б, с. 171). Таким образом, мы видим, что существовало представление о типографической форме, функционально иной, чем примечание. Как видно на примере эмоциональных примечаний Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» или в постоянном сатирико-юмористическом диалоге редактора «Северного Меркурия» с текстами авторов, составляющих номера, некоторые из примечаний надо определять как выноски. То же в манере критиков помещать в выноски перифразы из разбираемых текстов или давать там анализ, как то, например, в № 6 «Сына отечества» (1819), где в разборе пьесы «Липецкие воды, или Урок кокеткам» из пассажа «Характер Графини, если кокетство можно назвать характером, мало соответствует цели Автора: вместо женщины ловкой, воспитанной, привыкшей к лучшему обращению, мы видим весьма обыкновенную кокетку, без остроумия, без предусмотрительности, не умеющую скрыть ни видов, ни хитростей своих, (*), которая...», выносятся под страницу следующий перифраз: «(Явление 8 действие 3) когда она читает Левека и сама показывает Пронскому, что это История, а не роман; потом очень грубо выпрашивает о любви его к Олиньке (стран. 76) и (явл. 7 действ. 4) когда Графиня говорит на щет Олиньки нелепую иронию» (Сын отечества, 1819, с. 261). Здесь особенно следует обратить внимание, что типографический знак сноски, астериск в скобках, вплетен в синтаксис предложения, обособлен запятыми.

Проблема восприятия примечаний именно как вынесенных парантез, отраженная в графической форме астериска в скобках, нами здесь не может быть затронута. Но исходя из вышеприведенных наблюдений, очевидно, что не только, как согласны исследователи комментария, взаимозаменяемы части перитекста и, что то же самое, заголовочно-финального комплекса, но оказывается, что и некоторые внутренние части текста, скобки, регулярно выносятся в примечания, и наоборот. Это наиболее ясно в манере постановки примечаний и парантез в «Вестнике Европы» Н. М. Карамзина. Так, например, пояснения об источнике материала даются как в парантезе, так и в выноске (Вестник Европы, 1802, с. 60). Вторым примером являются парантезы, очевидно, не принадлежащие тексту материала, но которые не вынесены: «Великая Принцесса (пишет из Лондона) живет весьма уединенно в загородном доме своем». К рубрике подписано «Из Монитёра» (Вестник Европы, 1802, с. 95). Это французское издание, в котором такая парантеза вполне логически обоснована, но если мы откроем его, то увидим, что там материалы даются рубриками по странам. Так что парантеза «пишет из Лондона», отражает рубрику «Лондон», которая произвольно помещена в тело текста, в его основной блок. Таким образом, видим, что границы текста подвижны, и что есть ряд красноречивых примеров, подводящих к тезису о единстве примечания и основного текста с другой, эмпирической стороны: примечания в журналах первой трети XIX века – это зона отчасти произвольной выноски фрагментов текста, отчасти авторской и редакторской реплики, и только отчасти же информационной справки и интерпретации.

Заключение

Итак, в результате нашего исследования мы пришли к ряду методологических выводов. Отечественная научная традиция изучения авторского примечания была ограничена парадигмой, в рамках которой исследование авторских примечаний в литературно-критической периодике не было актуальным. Эталоном материала в рамках такой парадигмы был академически выверенный, изданный стихотворный текст. На материале такого текста могут решаться проблемы типологии авторских примечаний, их эстетического статуса, но сама сущность авторского примечания редуцируется до упорядоченного текстологически реконструированного вида. Напротив, нарождающаяся расширенная парадигма изучения комментария требует обращать внимание на сторону материальной презентации текста, на аспекты расположения примечания на странице, на типографические способы его выделения, так как все эти стороны предмета влияют на его функцию и содержание. В эмпирической части исследования мы пришли к выводам, что, во-первых, естественная среда появления авторских примечаний – это литературно-критическая периодика. Именно в периодических изданиях форма, содержание и функционал примечаний наиболее разнообразны. Это приводит к тому, что, во-вторых, типология примечаний существенно расширяется, если не вовсе модифицируется. В пользу этого говорит эмпирически наглядное влияние научно-дисциплинарного контекста на содержание примечаний. Наконец, анализ материалов из периодики показал, что проблемы единства произведения и примечания, а также их субъектного статуса могут быть решены на ином и более репрезентативном эмпирическом материале. То есть в рамках расширенной парадигмы изучения авторских примечаний решение классических проблем в изучении предмета осуществляется эффективнее. Мы также наметили перспективу дальнейших исследований, в рамках которых должна осуществляться новая смысловая и формальная типологизация авторских примечаний с учетом их бытования в периодических изданиях. В качестве частного исследования насущным представляется изучение типографического оформления сносок, а также разграничение выносок и примечаний в контексте литературной периодики первой трети XIX века.

Источники | References

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953а. Т. 2. Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836-1838.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953б. Т. 3. Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка.
3. Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М.: Государственная академия художественных наук, 1927.
4. Громбах С. М. Примечания Пушкина к «Евгению Онегину» // Известия Академии наук СССР. 1974. Т. 33. № 3.
5. Киселев В. С. Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). Томск: Томский государственный университет, 2004.
6. Комаров А. И. Журналистика и критика 1800-1810-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики: в 2 т. / редкол.: проф. В. Е. Евгеньев-Максимов и др. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, 1950. Т. I. XVIII век и первая половина XIX века.
7. Кузьмина Н. А. Поэтика авторских комментариев к стихотворному тексту: материалы к истории жанра. Статья 1 // Вестник Омского государственного университета. 2009. № 3.
8. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
9. Мильчина В. А. Поэтика примечаний // Вопросы литературы. 1978. № 11.
10. Мильников В. С. Авторский комментарий и его художественная функция в произведениях русских писателей XVIII-XX веков: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 1995.
11. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов и др. М.: Мысль, 2010. Т. 4. Т – Я.

12. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2002.
13. Сараскина Л. И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише // Художественная культура. 2018. № 4 (26).
14. Словарь книговедческих терминов: для библиотекарей, библиографов, работников печати и книжной торговли. М.: Советская Россия, 1958.
15. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
16. Тодд III У. М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб.: Академический Проект, 1996.
17. Топорова А. В. Комментарий и автокомментарий в Средние века (случай Данте Алигьери) // Комментарий: теория и практика / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 2024.
18. Хализев В. Е., Холиков А. А., Никандрова О. В. Русское академическое литературоведение: история и методология (1900-1960-е годы): учебное пособие. М. – СПб.: Нестор-История, 2017.
19. Цыганов Д. М. Пушкиноведческие труды академика В. В. Виноградова и идеологический контекст эпохи сталинизма // Временник Пушкинской комиссии. 2023. № 37.
20. Черницкий Е. М. Советское пушкиноведение за 40 лет // Пушкин на Юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева: в 2 т. Кишинев: Штиинца, 1961. Т. 2.
21. Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина». Пушкин и его современники // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 1970. Т. 134.
22. Chang K., Grafton A., Most G. W. Impagination – Layout and Materiality of Writing and Publication: Interdisciplinary Approaches from East and West. Berlin – Boston: De Gruyter, 2021.
23. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. N. Y.: Cambridge University Press, 1997.
24. Sautel J. H. Essai de terminologie de la mise en page des manuscrits à commentaire // Gazette du livre médiéval. 1999. No. 35.

Информация об авторах | Author information

Дейкун Илья Дмитриевич¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Iliia Dmitrievich Deikun¹

¹ Russian State University for Humanities, Moscow

¹ iliariy@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.02.2025; опубликовано online (published online): 06.03.2025.

Ключевые слова (keywords): репрезентация авторского примечания; периодические издания; статус авторского примечания; материальная репрезентация произведения; representation of the author's note; periodicals; status of the author's note; material representation of the work.